

Марченко Иван Фомич

Марченко Иван Фомич (11 апреля 1925 г. – 3 ноября 2014 г.), лейтенант, командир артиллерийского взвода Ленинградского и 2-го Белорусского фронтов. Во время Великой Отечественной Войны награждён медалями «За отвагу» и «За победу над Германией», орденом «Великой Отечественной Войны» второй степени.

Из воспоминаний моего деда:

«Война меня нашла в Приморском крае. Хорошо помню воскресенье 22 июня 1941 г., день выдался солнечный, ясный. Рядом с селом – речка Лифа, туда офицеры

с семьями приехали отдыхать на природу, а потом вдруг ни с того ни с сего (часа в два дня) резко собрались и уехали. Мы тогда недоумевали, что случилось, ведь связи в деревне не было, лишь телефон в сельсовете. И только на следующий день мы узнали, что прервало отдых офицеров – Пришла война!

И опять голод. Городским жителям приходилось туго. Нас деревенских спасало отчасти своё хозяйство, домашний хлеб. Я в ту пору был студентом, как прочие мои сверстники, тоже голодал. В Уссурийске мы учились на гидротехников, а домой в деревню ездили за пайком. Так как Китай, оккупированный японскими войсками, был близко, то летом нас привлекали для работ по обустройству оборонительных сооружений. В декабре 1942 г. было принято решение отправить нас на фронт. В военкомате даже не дали собраться должным образом, а путь предстоял не близкий. Голод не тётка: мы были молодые и дерзкие, а потому ослушались приказа не покидать расположение части и убежали за 12 километров в свою деревню за провиантом. Старшине, который пытался нас остановить, сказали, что угрозы его бессмысленны и дальше фронта он нас не сошлет. Такая «самоволка» оказалась оправданной: мы запаслись хлебом и салом, да и на поезд успели.

Нас привезли в Благовещенск. Там я обучался на снайпера. Учеба была дельной, условия жизни – трудные. Жили мы, как и все новобранцы, в трехэтажном неотапливаемом здании, и от холода нас спасала солома,

которой набивали матрасы. Еда была очень скудной. Зерно в похлебке не сразу и найдешь. Так прошло шесть месяцев. От голода нас спасла комиссия из Москвы. Увидев нас, доходяг, командование наконец-то дало приказ поставить нас на курсантский паёк. Откармливали пару месяцев, а потом отправили на границу с Японией работать связными.

Позже нас перебросили на запад. Ехали мы очень быстро, быстрее скорого, сменяя составы один на другой, и прибыли в Ульяновскую область. Там нас переучили на артиллеристов. Впереди был Ленинград.

Под городом шли страшные бои. Сколько фильмов я посмотрел об этих битвах – все не то! Ну, невозможно передать пережитое как картину!

Помню, 9 часов шла артиллерийская подготовка: первый батальон пошёл на прорыв – лёг, второй пошёл – лёг, третий штурмом уже прорвал. Местность была болотистая, зыбкая, тащили мы свое артиллерийское орудие буквально на себе, да и головой за него отвечали, ведь за потерю артиллерийской единицы нас могли просто расстрелять. Единственное, чем выручало болото, – упавший снаряд падал в трясины и нас не задевал. Каждый понимал, что пока мы тащим орудие – мы живая мишень.

Фото: Марченко И. Ф. - в центре в верхнем ряду

Думали ли мы тогда о том, что смерть была близко? Столько снарядов и пуль пролетело за эти годы мимо меня. А я всегда смотрел на них и приговаривал: «Летите мимо, мне не надо». Так и берег себя, лишь однажды получил ранение. А ребята вокруг гибли, в основном молодые парни, кто-то из них женился за день до войны, кто-то вообще любви не знал. Был у нас один парнишка за рулем, уж очень к матери вернуться хотел, так его наши же и подбили по ошибке. Еще как-то раз чуть товарища преждевременно не схоронили. Он пошел на передовую, обещая вернуться через пару часов, да так и не вернулся. Уже из санитарного батальона весточку по-

лучили, что он мертв. А он взял и к утру в часть пришёл. Оказалось, что не убило его, а контузило. Пока он без сознания в окопах лежал, наши и посчитали его мертвым, даже документы забрали. Что тут скажешь? Уж не знаешь, где тебя смерть твоя встретит.

Как-то раз во время артподготовки мы выкатили свое орудие. Стрелять еще не начали, а в нас уже летит снаряд. Орудие – вдребезги, но как об этом доложить командованию? Решили пойти на хитрость, только бы не расстреляли. Снаряды ребята закопали, как будто бы мы их истратили, а я отправился докладывать к командиру взвода. 150 метров я смог проползти лишь за полтора часа. Траншея глубиной метр восемьдесят была доверху заполнена убитыми людьми. В тот момент, когда я увидел командира, он в последний раз крикнул «Огонь!». И все – пуля в висок. Когда я смог добраться до командира взвода, чтобы доложить обстановку, оказалось, что ситуация у них была еще хуже, чем у нас. Всё, что творилось вокруг, воспринимать было тем более тяжело, что мы, дальневосточники, знали друг друга очень хорошо, и терять своих товарищей и земляков было особенно больно... После боя мы собрали уцелевшие орудия, а людей набралось лишь на один расчёт.

После снятия блокады Ленинграда путь наш лежал на Выборг. До Выборга я не дошёл, меня ранило. Пришлось ехать в ленинградский госпиталь на несколько месяцев. А после, в 1944 г., «покупатели» определили меня в маршевую роту, под Нарву. Служба проходила в 18-й артиллерийской дивизии прорыва резерва главного командования. Там ребята знали, что если сегодня нас ставят, то, значит, завтра прорыв. Дивизия в составе Второго Белорусского фронта участвовала в Таллиннской, Восточно-Померанской операции.

Победу я встретил в Восточной Померании. Что говорить, отмаялась страна, победили мы немца. Переход к мирной жизни мгновенным не был. Мы продолжали каждый свое дело. Я отучился в Горьком на курсах повышения квалификации, а затем, после месячного отпуска, до 1947 г. продолжил службу в Латвии».

*Внук участника Великой Отечественной войны
Кобозев Владимир Юрьевич, ст. преподаватель кафедры АТП*